

Конечно, слухи. Я, как всегда, не записываю всего вздора, который болтают. Это мусор, сор, слякоть обывательщины. Но иногда среди всяких сплетен прорывается какая-нибудь мысль, предположение, которое – как дым не без огня.

Г. А. Князев

ВВЕДЕНИЕ

Накануне и во время блокады Ленинграда неформальные коммуникации занимали очень важное место в жизни горожан. Сознание сотен тысяч людей, существовавших в условиях постоянной угрозы гибели от голода, холода, немецкой бомбы или снаряда, находило выражение в самых разных формах стихийного общения: рассказах очевидцев, слухах, письмах, вопросах и обращениях к власти, спонтанных высказываниях, частных объявлениях о продаже и покупке продуктов питания, вещей, с предложением услуг и многом другом. Такие формы автокоммуникации, как мечты и сны, рефлексии, внутренние монологи, фиксировались в дневниковых записях ленинградцев. Дневники, по сути, исповеди, в большинстве своем не предназначались для чужих глаз, хотя порой автор понимал и даже надеялся, что его печальные записи увидят потомки.

Люди говорили, писали, думали о смертельной нехватке продовольствия и карточных нормах, угрозе вторжения немцев в город и прорыве блокады, о самих себе, согражданах, врагах, власти, прошлом и будущем. Все это в свою очередь определяло эмоциональное состояние и поведение сотен тысяч людей в катастрофических условиях блокады. Молва предваряла наступление события, сопровождала его и сохраняла его образ в памяти людей, представляя собой устное народное творчество, городской фольклор. Стихийное информационное пространство было той призмой, через которую блокадники воспринимали реальность.

По наблюдению выдающегося физиолога И. П. Павлова, слово для русского человека всегда имело приоритетное значение:

«... русский ум не привязан к фактам. <...> Мы занимаемся коллекционированием слов, а не изучением жизни. <...> Возьмите... факт, который поражает сейчас, – говорил ученый в мае 1918 г. – Это факт распространяемости слухов. <...> Мы главным образом интересуемся и оперируем словами, мало заботясь о том, какова действительность»¹. Слухи подобно письмам, заявлениям, жалобам, доносам концентрировали в себе важные черты традиционных способов вербальной коммуникации, характеризуя сознание и политическую культуру общества. Как отмечает В. П. Булдаков, «в России слово всегда значило много больше, чем на Западе, – это естественно для активного культурогенеза, который в патерналистских системах стремится миновать „скудную“ область практической политики»². Поэтому не менее важным, чем изучение событий ленинградской осады, является обращение к анализу субъективных представлений о ней.

Сегодня неформальное медиапространство оказывает огромное влияние на моральное, психологическое состояние, поведение миллионов, являясь средством выражения народного недовольства и одновременно контроля и манипулирования. Эта информационная среда может выступать катализатором массовых политических движений, экономического кризиса, формирует ценностные установки современного человека.

В годы войны стихийное информирование играло существенную роль в жизни советских людей, но особенно важным оно оказалось для прифронтового Ленинграда. Блокированный город представлял собой остров, который был лишен привычной связи с остальной страной. Покинуть или попасть в него в течение долгой осады можно было лишь по воздуху или по Ладожскому озеру. Кроме того, существовала информационная блокада: в течение двух месяцев после начала осады власти не извещали ленинградцев о том, что город окружен³. Очень часто горожанам не было известно о действительном положе-

---

¹ Павлов И. П. О русском уме // Российский физиологический журнал им. И. М. Сеченова. Т. 85. 1999. № 9–10. С. 1144, 1145.

² Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 80.

³ «Я не сдамся до последнего...»: Записки из блокадного Ленинграда / Сост. В. М. Ковальчук, А. И. Рупасов, А. Н. Чистиков. СПб., 2010. С. 145. (Примеч.)

нии на фронте, на подступах к городу, снабжении продовольствием, судьбе близких людей, детей и т. д.

Мало кому и вне Ленинграда было известно о реальной ситуации в нем. Руководители города не хотели, чтобы в стране и мире знали правду о блокаде даже из кадров документального фильма, снятого в осажденном городе в 1942 г.⁴ В неведении о положении близких были эвакуировавшиеся ленинградцы. Письма из блокадного города подвергались военной цензуре – вымарывались даже сведения о рыночных ценах на продукты питания.

Сами горожане догадывались об информационной изоляции Ленинграда. В частности они писали: «А ведь кругом, вне Ленинграда, никто ничего о действительном нашем положении не знает» (В. Г. Кулябко)⁵; «Говорят, что ни в Союзе, ни за границей, ни в армии понятия не имеют о том, что приходится переживать Ленинграду» (С. К. Островская)⁶. «В самую лютую пору блокады в адрес обкома одного из ленинградских профсоюзов пришел телеграфный запрос из Куйбышева: „Сообщите результаты лыжного кросса, количество участников“»⁷. «Они там за кольцом, так же, как и все за пределами Ленинграда, не знают истинного положения у нас. ... Кому это нужно – закрытые рты и сжатые зубы?»⁸

Ленинградцы испытывали тяжелый и затяжной психоэмоциональный стресс, одной из существенных причин которого была неизвестность. Неоправданно мажорные надежды или, напротив, пессимистичные ожидания были следствием

---

⁴ Муравьев А. Л. «Улицей этой врагу не пройти!» (Киноискусство блокадного города) // Великая Отечественная война: правда и вымысел. Сб. статей и воспоминаний. Вып. 6 / Под ред. И. П. Зиновьева, В. А. Кутузова. СПб., 2009. С. 102, 103.

⁵ Будни Подвига: блокадная жизнь ленинградцев в дневниках, рисунках, документах / Сост. В. М. Давид СПб., 2006. С. 24.

⁶ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 1448. Ед. хр. 11. Л. 3 об.

⁷ Пантелеев Л. В осажденном городе. Из записных книжек // Пантелеев Л. Живые памятники. Рассказы, путевые заметки, дневники, воспоминания. М.; Л., 1967. С. 125.

⁸ Машикова М. В. Из блокадных записей // В память ушедших и во славу живущих. Письма читателей с фронта. Дневники и воспоминания сотрудников Публичной библиотеки. 1941–1945. СПб., 1995. С. 45.

недостаточной информированности. Разрыв между надеждами и реальностью породил мифы; массовое сознание обращалось к устойчивым, укорененным в истории образцам духовного и практического опыта объяснения реальности – эмоциональное подчиняло себе рационально-логическое. Впрочем, общественные настроения выражались не только в безотчетных чувствах и переживаниях, но и в ясно сформулированных мыслях, взглядах. Слухи и разговоры городского сообщества блокадного Ленинграда отражают эволюцию общественного сознания во время войны и блокады, динамику изменений отношения к реалиям фронтовой, осадной, международной жизни.

Обращение исследователей к роли слухов в истории России становится все более масштабным, скрупулезным и эффективным. Следует упомянуть исследования О. Г. Агеевой, В. Б. Аксенова, Б. И. Колоницкого, И. Б. Орлова, Е. В. Осетровой, И. В. Побережникова и др. Представляет интерес сборник статей, подготовленный по материалам международной научной конференции, состоявшейся в 2009 г. в Москве⁹. К проблемам слухов блокадного времени и смежным сюжетам обращаются П. Барскова, В. А. Иванов, В. М. Ковальчук, А. В. Кутузов, В. А. Кутузов, Н. А. Ломагин, А. И. Рупасов, Г. Л. Соколов, Д. Хасс, Н. Ю. Черепенина, А. Н. Чистиков, С. В. Яров.

Сами блокадники пишут о том, насколько существенную роль играли в жизни обычного человека стихийные известия. Одни ленинградцы записывали слухи, другие, даже не доверяя и игнорируя их, вынуждены были обращаться к молве как безальтернативному источнику информации. «Я вела заметки с первого дня войны, – предваряет свои дневниковые записи сотрудник Эрмитажа М. С. Коноплева. – Считаю нужным отметить, что в некоторых случаях я отмечала не только факты, но и „слухи“, которыми жили и которые жадно ловили ленинградцы в тот период, когда не было ни газет, ни радио, бездействовали телефон и почта»¹⁰. Историк, директор Архива АН СССР Г. А. Князев многократно отмечал, что неформальные известия его не интересовали. В частности, он писал: «Не записываю

---

⁹ Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории. Сб. ст. Челябинск, 2011.

¹⁰ ОР РНБ. Ф. 368. Ед. хр. 1. Л. 1.

слухов. Они, как ржа, разъедают волю. Много нужно силы, чтобы сохранить присутствие духа и бодрость»¹¹; «Я не записываю массы вздорных и нелепых слухов. Мне не хотелось, чтобы в моих записях сообщалось под видом факта что-либо вымышленное»¹². Крайне негативно оценивала неформальные известия предблокадной поры инженер И. Д. Зеленская: «В тысячу раз хуже правды эта пантофельная почта, которая разносит отрывочные и панические слухи. И нечего им противопоставить, потому что мы ничего не знаем»¹³. В то же время Г. А. Князев как ученый признавал: «Вероятно, можно было бы из всех слухов делать и какие-нибудь выводы для изучающего психологию масс. ... В слухах можно подметить и сокровенные чаяния известных прослоек населения, и влияние врагов. Это своего рода метеорологическая сводка „погоды“ общественного настроения. Но это специальная тема, и ею я вряд ли займусь в своих записках»¹⁴. Историк отмечал ошибочность и одновременно чрезвычайно широкую распространенность молвы, отсутствие альтернативных источников актуальной информации: «Питаемся слухами. Совершенно недостаточна существующая информация»¹⁵; «Ядовитыми слухами не питаюсь, в газетах ничего узнать невозможно, корреспонденции не имею»¹⁶. Ученый и позднее выражал свое негативное отношение к «выдумке», «рассказням», «всякой дребедени», «базарным сплетням», «подлой подрывной работе врагов», которые «преувеличивают», «творят легенды». Однако, очевидно, что отношение Г. А. Князева к слухам эволюционирует от полного неприятия в начале войны к вынужденному признанию их значения и фиксированию с началом блокады. Позднее историк с удивлением отмечает в дневнике: «Оказывается, у меня есть современник, который записывает слухи... – Е. Г. Ольденбург

---

¹¹ Князев Г. А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. СПб., 2009. С. 78.

¹² Там же. С. 133.

¹³ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). Ф. 4000. Оп. 11. Д. 36. Л. 16.

¹⁴ Князев Г. А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. С. 142.

¹⁵ Там же. С. 144.

¹⁶ Там же. С. 160.

(жена востоковеда, академика С. Ф. Ольденбурга. – В. П.). <...> Она исписала несколько тетрадок, записывая все свои впечатления день за днем, все, что она слышит – слухи»¹⁷. Впрочем, Г. А. Князев не знал многих других своих сограждан, которые при самом различном отношении к неформальным известиям фиксировали в своих дневниках ленинградские слухи. Именно благодаря таким дневниковым записям, в том числе свидетельствам самого Г. А. Князева, слухи сохранились. К счастью, не осуществилось пессимистическое предположение ученого, который писал: «...масса питается слухами, иногда самыми фантастическими, нелепыми. Слухи эти сильнее и могучее, чем газеты. Но печатный лист газеты – где-нибудь да и останется в библиотеках и архивах. Ну а слухов нигде не останется, это устный источник»¹⁸.

Подобно тому как параллельно системе государственного распределения продовольствия в осажденном городе существовал гигантский рынок продуктов питания, помимо официального, строго дозированного информирования в Ленинграде существовала вездесущая молва, которая удовлетворяла не менее острую, чем в пище, потребность в новостях. Неформальные коммуникации были чрезвычайно важны для ленинградцев, давая силы для работы, самосохранения. Кроме того, представление о том, что в бесправном и безмолвном советском обществе у людей не было своих, отличных от официальных, взглядов, ошибочно. Также не соответствует действительности суждение о том, будто общество никак не выражало своего мнения, поскольку его проявления беспощадно подавлялись. Именно в слухах общественные настроения, выразившиеся в форме разнообразных суждений, оценок, предстают как общественное мнение. Оно могло быть мифологизированным, излишне оптимистичным или, напротив, необоснованно мрачным, но оно существовало, значительно влияя на моральное состояние и поведение людей.

В предлагаемой книге предпринята попытка изучить массовое и индивидуальное сознание блокадников. Весьма важным для решения этой задачи видится исследование малоизученных

---

¹⁷ Там же. С. 676, 677.

¹⁸ Там же. С. 386, 387.

и традиционно считавшихся сомнительным источником – слухов. Анализ возникновения, распространения, восприятия, воздействия на городское сообщество молвы воссоздавая морально-психологическую атмосферу, политические настроения, очевидные и скрытые страхи, надежды и мечты жителей блокадного Ленинграда, помогает дополнить, уточнить, а порой и изменить привычную картину прошлого.

Воссоздать мир неформальных коммуникаций ленинградской осады можно, опираясь прежде всего на дневниковые записи, письма, воспоминания, рассказы, интервью самих блокадников. Источники, использованные при написании книги, позволяют проследить эволюцию состояния духа, эмоциональные и рациональные рефлексии, образ действий горожан по месяцам и дням. Неоднократное, кажущееся избыточным воспроизведение однородных свидетельств позволяет выявить значение и смысл событий, явлений для самих ленинградцев, полнее и точнее представить типичное и уникальное в сознании обитателей блокадного города.